

ческую монотонию этой композиции. Предшествует ему особое „Предпривѣтствие“; завершает — „Колофон“ („окончение“).

Живописные и графические инкрустации „книжиц“ Симеона Полоцкого составляют неотъемлемую часть этих „книжиц“ и органически связаны с ними: одни носят чисто декоративный характер и выполняют служебную функцию — орнаментального украшения; другие составляют часть экспозиции и, следовательно, образуют самостоятельный компонент экспозиции, равноправный в ряду ее остальных, словесных компонентов. К первой группе графических и живописных инкрустаций — исполнение их Симеон, конечно, поручал помощникам-специалистам — относятся все так называемые „лабиринты“ и остальные графемы того же типа; в большинстве случаев они завершают у него какой-либо цикл (ансамбль) стихотворений и служат своеобразной словесно-графической вignetкой в финале этого цикла; сюда же должны быть отнесены и некоторые заглавные арки, выделенные особым шрифтом, перевитые растительным орнаментом, например, в подносном экземпляре „Орла Российскаго“; сюда же могут быть отнесены и два „афиеросиса“ (*ἄφιέρωσις* — посвящение) — две стихотворные криптограммы в том же „Орле Российском“, привлекающие внимание причудливой графикой своих стихов, рассчитанной, несомненно, на зрительный эффект. Образцом инкрустаций второго типа может служить панорама небесных светил в „Орле Российском“, составляющая в сущности основное содержание всей композиции. Значение вполне самостоятельных единиц в системе целого имеют также изображения креста и звезд в „Благопривѣтствовании“ Симеона Полоцкого царю Алексею по случаю рождения царевича Симеона, сердца — в „Орле Российском“, эмблем — во „Френах“, изображение креста — в „Гусли dobroгласной“.

2

Обращает на себя внимание одна характерная особенность этой стихотворной и нестихотворной кунсткамеры Симеона Полоцкого: он отбирал для нее вещи преимущественно редкие, вещи-феномены, вещи, которых никто никогда не видел, „куръезы“. Чем причудливее, чем химернее вещь, тем больший интерес она обычно для него представляла, тем охотнее выдвигал он ее на первый план.

Тенденция эта рассматривать на одной плоскости возможное и невозможное для Симеона Полоцкого не случайна: он никогда не дорожил правдоподобием созданного им мира вещей. Истина для него лежит за пределами этого мира. Вещь сама по себе — ничто. Вещь — только форма, в которой человек созерцает истину, только „знак“, „гиероглифик“ истины.

Этот „гиероглифик“ можно и должно прочесть. Вещи могут и должны заговорить, и Симеон Полоцкий, чтобы заставить их говорить, систематически, от стиха к стиху, переводил их с языка конкретных образов